

Лев
Давидович
Троцкий

ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ТОМ II

RUGRAM

Москва
2022

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т76

Троцкий, Л.Д.

Т76 История русской революции II / Л.Д. Троцкий. — М. : RUGRAM, 2022. — 396 с. — (Навстречу революции).

ISBN 978-5-521-78100-3

Книжная серия «Навстречу революции» — издательский проект, нацеленный на составление современного, всеобъемлющего и наиболее широкого ряда произведений классиков отечественной политической и революционной мысли. Сегодня, оглядываясь на мыслителей прошлого, мы понимаем, что множество книг, легших в основу нашего представления о современности и об общественном укладе, не утратили своей остроты, актуальности и значимости — напротив, сегодня мы можем по-новому взглянуть на труды, выковавшие наш век, и оценить их значимость и вневременность.

Многие труды, выходящие в рамках издательского проекта, долгие годы были недоступны на книжном рынке; выросли поколения, не знающие имена и труды классиков. Задача серии «Навстречу революции» — дать возможность современному читателю ознакомиться и осмыслить классиков революционной мысли, а также понять их значимость для дня сегодняшнего.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-78100-3

© RUGRAM, оформление 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
«ИЮЛЬСКИЕ ДНИ»: ПОДГОТОВКА И НАЧАЛО	15
«ИЮЛЬСКИЕ ДНИ»: КУЛЬМИНАЦИЯ И РАЗГРОМ.....	45
МОГЛИ ЛИ БОЛЬШЕВИКИ ВЗЯТЬ В ИЮЛЕ ВЛАСТЬ?	79
МЕСЯЦ ВЕЛИКОЙ КЛЕВЕТЫ.....	105
КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ ПОДНИМАЕТ ГОЛОВУ	137
КЕРЕНСКИЙ И КОРНИЛОВ	162
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ В МОСКВЕ	188
ЗАГОВОР КЕРЕНСКОГО	214
ВОССТАНИЕ КОРНИЛОВА	236
БУРЖУАЗИЯ МЕРЯЕТСЯ СИЛАМИ С ДЕМОКРАТИЕЙ	257
МАССЫ ПОД УДАРАМИ.....	287
ПРИБОЙ.....	315
БОЛЬШЕВИКИ И СОВЕТЫ.....	346
ПОСЛЕДНЯЯ КОАЛИЦИЯ.....	366

ПРЕДИСЛОВИЕ

Россия так поздно совершила свою буржуазную революцию, что оказалась вынуждена превратить ее в пролетарскую. Иначе сказать: Россия так отстала от других стран, что ей пришлось, по крайней мере в известных областях, обогнать их. Это кажется несообразностью. Между тем история полна таких парадоксов. Капиталистическая Англия настолько опередила другие страны, что оказалась вынуждена отстать от них. Педанты думают, что диалектика есть праздная игра ума. На самом деле она лишь воспроизводит процесс развития, который живет и движется противоречиями.

Первый том этого труда должен был уяснить, почему исторически запоздалый демократический режим, пришедший на смену царизму, оказался совершенно нежизнеспособным. Настоящий том посвящен приходу к власти большевиков. Основу изложения и здесь составляет повествование. Читатель должен в самих фактах найти достаточную опору для выводов.

Автор не хочет этим сказать, что он избегает социологических обобщений. История не имела бы цены, если бы ничему не учила нас. Могущественная планомерность русской революции, последовательность ее этапов непреодолимость натиска масс, законченность политических группировок, отчетливость лозунгов – все это чрезвычайно облегчает понимание революции вообще, а тем самым и человеческого общества. Ибо можно считать доказанным всем ходом истории, что раздираемое внутренними противоречиями общество до конца

раскрывает не только свою анатомию, но и свою «душу» именно в революции.

Более непосредственно настоящий труд должен помочь пониманию характера Советского Союза. Актуальность нашей темы не в том, что Октябрьский переворот произошел на глазах живущего еще ныне поколения – конечно, и это имеет немалое значение, – а в том, что вышедший из переворота режим живет, развивается и ставит перед человечеством новые загадки. Во всем мире вопрос о Стране Советов не сходит с порядка дня. Между тем нельзя постигнуть то, что есть, не уяснив предварительно, как существующее возникло. Для больших политических оценок нужна историческая перспектива.

На восемь месяцев революции, с февраля по октябрь 1917 года, понадобились два больших тома. Критика, по общему правилу, не обвиняла нас в растянутости изложения. Масштаб работы объясняется скорее подходом к материалу. Можно дать фотографический снимок руки: это займет страницу. Но чтобы представить результаты микроскопического исследования тканей руки, нужен том. Автор не делает себе никаких иллюзий насчет полноты и законченности произведенного им исследования. Но все же во многих случаях ему приходилось применять методы, которые ближе к микроскопу, чем к фотографическому аппарату.

В те моменты, когда нам казалось, что мы злоупотребляем долготерпением читателя, мы щедро вычеркивали показания свидетелей, признания участников, второстепенные эпизоды; но затем нередко снова восстанавливали многое из вычеркнутого. В этой борьбе за детали нами руководило стремление показать как можно конкретнее самый процесс революции. Нельзя было, в частности, не попытаться использовать до конца то преимущество, что эта история писалась с живой натуры.

Тысячи и тысячи книг выбрасываются ежегодно на рынок, чтобы представить новый вариант личного романа, повесть колебаний меланхолика или карьеры честолюбца. Героине Пруста нужно несколько изысканных страниц, чтобы почувствовать, что она ничего не чувствует. Думается, что можно, хотя бы на равных правах, требовать внимания к коллективным историческим драмам, поднимающим из небытия сотни миллионов человеческих существ, преобразующим характер наций и вторгающимся навсегда в жизнь человечества.

Точность ссылок и цитат первого тома не оспаривалась до сих пор никем да это было бы и не легко сделать. Противники ограничиваются чаще всего рассуждениями на ту тему, что личное пристрастие может проявиться в искусственном и одностороннем подборе фактов и текстов. Неоспоримое само по себе, это соображение ничего не говорит о данном произведении и еще меньше – о его научных приемах. Между тем мы позволяем себе решительно настаивать на том, что коэффициент субъективизма определяется, ограничивается и проверяется не столько темпераментом историка, сколько характером его метода.

Чисто психологическая школа, которая рассматривает ткань событий как переплет свободной деятельности отдельных людей или их группировок, оставляет величайший простор для произвола даже при наилучших намерениях исследователя. Материалистический метод дисциплинирует, обязывая исходить из тяжеловесных фактов социальной структуры. Основными силами исторического процесса являются для нас классы; на них опираются политические партии; идеи и лозунги выступают как разменные монеты объективных интересов. Весь путь исследования ведет от объективного к субъективному, от социального к индивидуальному, от капитального к конъюнктурному. Для авторского произвола этим поставлены жесткие пределы.

Если горный инженер в необследованном районе обнаружит путем сверления магнитный железяк, всегда можно допустить счастливую случайность: строить шахту не рекомендуется. Если тот же инженер на основании, скажем, отклонений магнитной стрелки придет к выводу, что в земле должны таиться залежи руды, и после этого в разных точках района действительно доберется до железяка, тогда и самый придирчивый скептик не осмелится ссылаться на случайность. Убеждает система, которая соподчиняет общее и частное.

Доказательств научного объективизма надо искать не в глазах историка и не в интонациях его голоса, а во внутренней логике самого повествования: если эпизоды, свидетельства, цифры совпадают с общими показаниями магнитной стрелки социального анализа, тогда у читателя есть наиболее серьезная гарантия научной обоснованности выводов. Конкретнее: автор в той мере верен объективизму, в какой настоящая книга действительно раскрывает неизбежность Октябрьского переворота и причины его победы.

Читатель знает, что в революции мы ищем прежде всего непосредственного вмешательства масс в судьбы общества. За событиями мы пытаемся открыть изменения коллективного сознания. Мы отклоняем огульные ссылки на «стихийность» движения, которые в большинстве случаев ничего не объясняют и ничему не научают. Революции совершаются по известным законам. Это не значит, что действующие массы отдают себе отчет в законах революции; но это значит, что изменения массового сознания не случайны, а подчинены объективной необходимости, которая поддается теоретическому выяснению и тем самым создает основу для предвидения и для руководства.

Некоторые официальные советские историки пытались, как это ни неожиданно, критиковать нашу концепцию как идеалистическую. Профессор Покровский настаивал, например, на том,

что мы недооценили объективные факторы революции: «между Февралем и Октябрем прошла колоссальная экономическая разруха»; «за это время крестьянство... восстало против Временного правительства»; именно в этих «объективных сдвигах», а не в изменчивых психических процессах надлежит видеть движущую силу революции. Благодаря похвальной резкости в постановке вопросов, Покровский как нельзя лучше обнаруживает несостоятельность вульгарно-экономического объяснения истории, выдаваемого нередко за марксизм.

Происходящие в течение революции радикальные перевороты вызываются на самом деле не теми эпизодическими потрясениями хозяйства, которые происходят во время самих событий, а теми капитальными изменениями, которые накопились в самых основах общества в течение всей предшествующей эпохи. Что накануне низвержения монархии, как и между Февралем и Октябрем, экономический распад неизменно углублялся, питая и подстегивая массовое недовольство, это совершенно бесспорно и никогда не оставлялось нами без внимания. Но было бы грубейшей ошибкой полагать, будто вторая революция совершилась через восемь месяцев после первой вследствие того, что хлебный паек снизился за это время с полутора до трех четвертей фунта. В ближайшие после октябрьского переворота годы продовольственное положение масс продолжало непрерывно ухудшаться. Между тем надежды контрреволюционных политиков на новый переворот каждый раз терпели крушение. Загадочным это обстоятельство может представляться лишь тому, кто восстание масс рассматривает как «стихийный», т. е. стадный, бунт, искусно использованный жожаками. На самом деле одной наличности лишений для восстания недостаточно – иначе массы восставали бы всегда; нужно, чтобы окончательно обнаруженная несостоятельность общественного режима сделала эти лишения

невыносимыми и чтобы новые условия и новые идеи открыли перспективу революционного выхода. Во имя осознанной ими большой цели те же массы оказываются затем способны переносить двойные и тройные лишения.

Ссылка на восстание крестьянства, в качестве второго «объективного фактора», представляет еще более очевидное недоразумение. Для пролетариата крестьянская война являлась, разумеется, объективным обстоятельством, поскольку вообще действия одного класса становятся внешними толчками для сознания другого класса. Но непосредственной причиной самого крестьянского восстания явились изменения в сознании деревни; вскрытие их характера составляет содержание одной из глав этой книги. Не будем забывать, что революции совершаются через людей, хотя бы и безымянных. Материализм не игнорирует чувствующего, мыслящего и действующего человека, но объясняет его. В чем другом состоит задача историка? Весть о смерти М. Н. Покровского, с которым нам не раз приходилось полемизировать на протяжении обоих томов, пришла, когда наша работа была закончена. Примкнув к марксизму из либерального лагеря уже сложившимся ученым, Покровский обогатил новейшую историческую литературу ценными работами, начинаниями, но методом диалектического материализма он так и не овладел до конца. Делом простой справедливости будет прибавить, что Покровский был человеком не только исключительной эрудиции и высоких дарований, но и глубокой преданности тому делу, которому служил.

Некоторые критики демократического лагеря, склонные оперировать при помощи косвенных улик, усмотрели в «ироническом» отношении автора к соглашательским вождям выражение недопустимого субъективизма, опорочивающего научность изложения. Мы позволяем себе считать такой критерий неубедительным. Принцип Спинозизма: «не плакать, не смеяться,